

2.2. Университетские модели корпоративной коммуникации

Перепелица Олег, Шильман Михаил

Трендом образовательных технологий последних лет, особенно популярным в массовых и далеко не самых престижных университетах, стал фронтальный переход от традиционных устных экзаменов, еще сохраняющих отголоски старых диспутов, к письменным экзаменационным работам и обучению посредством так называемых «дистанционных курсов», то есть - одним словом - установление отношений дистанцирования. На первый взгляд эти тенденции достаточно легко объясняются необходимостью реформировать систему образования и очистить ее от элементов, прямо или косвенно поощряющих коррупцию. Как свидетельства демократизации образования указывают на рост уровня объективности выставляемых оценок, упрощение доступа к информации, повышение степени мобильности участников образовательного процесса... Вероятно, такой подход в достаточной мере соответствует прагматическим запросам современного общества, чьи технические возможности, как кажется, уже позволяют осуществлять коммуникацию без непосредственных, телесных контактов. Безусловно, общество посредничества в потреблении усматривает благо для себя, прежде всего, в рентабельности каждой операции/контакта, а потому успешность работы в целом растет прямо пропорционально степени отчуждения клерков от клиентов. Удлинение связей и коммуникация на максимальных дистанциях позволяет вести речь о фундаментальной медиальной революции, следствием которой становится переход от телесных, тактильных, близких отношений между людьми (всегда чреватых пристрастностью и коррупцией) к (интер)текстуальным практикам, опосредованным циркуляцией бесчувственных знаков. В связи с этим актуальным становится вопрос о существовании классического университета, по крайней мере, в его старой «телесной» форме.

Не испытывает ли корпоративная коммуникация в самом теле университета такие радикальные метаморфозы, которые делают ее просто-напросто излишней и невозможной в мире глобального менеджмента, интернет-контента и новых медиа? И возможно ли помыслить по отсутствию такой коммуникации преданное науке ученое сообщество?

Вплоть до начала XIII века *universitas* как «ученые братства» образовывались так же, как и всякая другая городская коммуна или гильдия. Объединение равных людей на основе взаимной присяги осуществлялось посредством принесения земляками взаимной клятвы в верности своему сообществу, что подразумевало и коллективную ответственность по «национальному» признаку, и коллективную защиту в «интернациональном» пространстве города, инкорпорировавшего такие сообщества по аналогии с монастырями. Обозначение подобного рода корпораций ученых производилось с помощью почти синонимического ряда именовании - *corpus*, *universitas*, *collegium*, *societas* и т. д. - которые оставляли их собственный правовой статус достаточно неопределенным. Как утверждает Г. Пост, не позднее 1221 года входит в обращение «термин *universitas* в строгом смысле корпорации, отличающейся от любой другой группы лиц, ... который наиболее часто использовался для обозначения совокупности учащихся и учащихся - как господствующих над четырьмя факультетами - действующих как юридическое лицо» [Post, 2006, p. 30-31], Собственно, самоутверждение «университетской корпорации» (*universitas magistrorum e scholarium*) в качестве подчеркивающего свою относительную автономию «корпуса ученых» и положило, по большому счету, начало и университетской культуре, и собственно университетским статусам.

Корпорация, выступающая как юридическое лицо (что подтверждалось наличием университетской печати), брала на себя, по сути, три важнейших функции. Во-первых, она занималась регламентацией учебного процесса, дистрибуцией ученых степеней и «подбором кадров». Во-вторых, корпорация устанавливала коллегиальную дисциплину, которая включала в себя уже

не только клятву в верности, но и «уход за душой и телом» - в частности, маркирование своих членов соответствующими одеяниями, гарантирование им полного похоронного ритуала и последующее их сопровождение посредством поминальных служб. Наконец, в-третьих, как отмечает П. Уваров, «как только появляется термин «университет», он сразу же начинает указывать на корпорацию, осуществлявшую надзорные функции» - ибо «ничего более эффективного, чем внутрикорпоративный контроль, Средневековье не знало» [Уваров]. Другими словами, университетская корпорация самым своим становлением открывает новую форму внутренней цензуры (подразумевающей надзор и наказание), которая была способна обезопасить ее членов от каких-либо подозрений и обвинений извне. И, напротив, члены корпорации за пределами университета остаются, по сути, безнаказанными и не поднадзорными, пребывая даже персонально под особой юрисдикцией.

Университет возникает и как авторитарный организм, и как пространство вольницы; оба эти аспекта скрепляются фигурой автономной «корпорации». Автономия университета (доходящая в своем пике до вседозволенности) как академическая свобода ложится в основание смелости исследований и свободы мысли - но автономия всегда сохраняет возможность и пути к (само)консервации. При этом, как отмечает А. Магун, «автономия университета - это всегда властная позиция, которая с самого начала заложила основу для появления того, что мы сегодня называем «свободно парящей интеллигенцией», которая обслуживает власть, действует в некоторой отстраненной, полусакральной зоне» [Магун]. Уникальное «самовластье» университета, возникшее вследствие его исходного неподчинения городским властям и последующего выхода из подчинения церкви, создает своего рода «идеальный пример», который способен послужить образцом (или, как минимум, прецедентом) общественного устройства, опирающегося на принцип «(само)подчинения». Разумеется, автономия университета никогда не была абсолютной, а единство - полным; однако, как замечает Ж. Деррида, он воспроизводил общественное

«стремление к органическому собиранию в едином теле».

Именно поэтому «на протяжении восьми веков наше общество именovalo «Университетом» некий дополнительный корпус людей, которых оно, с одной стороны, заботливо размещало вне себя, а с другой — ревниво укрывало внутри себя: оно хотело и эмансипировать, и контролировать его. Именно в двух этих отношениях Университет был призван представлять общество» [Деррида, 2003].

Со времени своего появления Университет включается в череду актов самоутверждения (равно, как и самокритики, и самозащиты), каждый из которых демонстрирует текущие-функциональные особенности субординации его частей в отношении целого и/или членов внутри единого организма. Тем самым он обращается к структурным принципам своего устройства или, говоря кантовским языком, отсылает к себе как пустому *Corpus'u*, который, всякий раз наполняясь определенным содержанием, образует живое тело конкретного университета. При этом не должен оставаться без внимания и тот факт, что университет всегда тем или иным образом выступает в качестве «дополнения» - и к индивиду (в качестве образования), и к обществу (в качестве сообщества), и к власти (в качестве института). А потому с оглядкой на функции, которые стремится закрепить за собой университет, можно вести речь о его «трех ипостасях»: корпусе дополнительных знаний, корпусе дополнительных людей и корпусе дополнительных техник власти. Смысловое сопряжение этих корпусов неизбежно активизирует вечный в своем возвращении и всегда болезненный вопрос «автономии». И даже, по всей видимости, грезы о чем-то таком, что могло бы сыграть роль дополнения к автономии.

Отцы-основатели классического европейского университета, питомцы старой доброй автономной университетской корпорации, были более, чем реалистами, а потому возжелали, по сути, невозможного. Намерение соорудить на основе университетского *corpus'a* новый культурный универсум, чьим воплощением должно стать новое государство, отсылало к твердой вере в универсальный проект познания. Соответ-

ствующая «чистой идее науки» истина знания - продукт функционирования данного проекта - должна была, по их мысли, вкладываться в истину политического прогресса, предъявляемую согласно гегелевской логике, Государством. В таком случае университет начинал по праву претендовать на духовное/ нравственное/культурное вождение/воспитание ученой элиты, вокруг которой должно было формироваться просвещенное гражданское общество. Прежде всего, разумеется, университет должен был производить нового современного субъекта, новую культурную идентичность, местом естественного обитания коей и должно было выступать национальное государство.

В формулировке В. фон Гумбольдта, университет «стремится воплотить мысль как действие, направленное к идеалу», а государство в свою очередь «должно реализовать действие как мысль, как идею нации». Отсюда следует, что государство должно взять «под свою защиту деятельность университета», который «хранит мысль государства» в их совместном стремлении «реализовать на практике идею национальной культуры» [Гумбольдт, 2002]. Уже в контексте XX века Х. Ортега-и-Гассет в качестве основной задачи университета определяет «преподавание культуры или системы жизненных идей, которыми располагает время» [Ортега-и-Гассет, 2010, с. 34]. Чуть позже М. Хайдеггер, превознося немецкий университет, поведет речь о предназначении университета в связи с «вневременной» судьбой и задачей всего немецкого народа. При этом нетрудно заметить, что в любом случае идеальное «стремление» университета дополняется материальным «долженствованием» государства - не важно, идет ли речь о расширении автономии, разумном покровительстве, защите со стороны правительства или объемах финансирования.

Имеются достаточные основания полагать, что подобного рода идиллия имеет все признаки сговора в виду «национальной культуры», которая полагается как общий предмет интереса и поле сотрудничества *автономного* университета и *суверенного* государства. Носителем культуры выступает народ - естественное «землячество», множество равных в культурном

отношении людей *de facto* связанных взаимной «присягой» уже по своему происхождению. Народ невежественен, но самобытен; он требует управления, но именно самоуправления. И университет выступает в роли того аппарата, который способен превратить народ - согласно гегелевскому понятию государства - в «прошедший через форму образования знающий и волящий себя дух» [Гегель, 1990, с. 294]. Смысл университетского образования, как его обозначает К. Ясперс, состоит в том, что «... оно направлено на отбор людей, обладающих необычными духовными способностями...» [Ясперс, 2006, с. 83]. В свою очередь М. Фуко (позади которого отчетливо маячит Ф. Ницше) отмечает, что университет «выполняет роль селекционера» и осуществляет «прежде всего, функцию отбора, отбора не только людей (в конечном счете, это не очень важно), но и знаний» [Фуко, 2005, с. 197]. Можно добавить, что включаясь в культурное производство, университет также производит отбор того, что действительно достойно считаться национальной культурой, т. е. своими силами отслеживает любую «ересь» - как бескультурье, так и инокультурные вмешательства. В результате на выходе из университета мы имеем образованных, окультуренных, отборных граждан, из которых власть отбирает для своих нужд необходимое число государственных служащих.

Модерный университет едва ли не в первую очередь оказывается подчинен задачам моделирования, рихтовки и оптимизации *corpus'a* национального государства и - для приведения государственной машины в действие - решает вопрос непрерывного пополнения корпуса квалифицированных управленцев. Это означает, что университет берет на себя труд по производству рационально обоснованных и легитимированных наукой отношений власти. Последние воплощаются в субъекте, который конституируется и идентифицируется как корпусом отборных знаний, так и корпусом дисциплинарных практик. Присуждение же университетской степени представляет собой дополнительную градацию, указывающую, скорее, на искомую/требуемую степень повиновения того, кто способен рассуждать сколько угодно и о чем угодно.

Одним словом, дискурс университета или, точнее, производимый университетом дискурс государства, рядящегося в национальные или интернациональные, либеральные или консервативные одеяния, определяет социальную констелляцию и характер коммуникативных связей Модерна. Однако было бы верхом наивности полагать, что исходящий из университетского корпуса дискурс государства, столь одухотворенный и окультуренный в теоретическом плане, оставался бы неповрежденным бюрократическими практиками администрирования, производимыми в свою очередь государством.

Обманчивость патетической связки государства и университета не ускользнула в свое время от язвительной критики Ф. Ницше, однако ее потенциал в значительной мере был (пере)оценен Ж. Деррида. Указывая на то, что пресловутая автономия университетов суть «ловушка Государства», он показывает реальную изнанку классического университета: «Позади "академической свободы" вырисовывается силуэт принуждения тем более свирепого и беспощадного, что оно маскируется и рядится в непротивление. Через вышеозначенную "академическую свободу" все контролирует Государство, именно оно. ... Государство хочет привлечь к себе покорных и безусловных функционеров. Оно совершает это через строгий контроль и суровое принуждение, про которые они думают, что *сами себе их дают*, автономно» [Деррида, 2012, с. 99-100]. Пожалуй, на сегодняшний день при нынешнем состоянии классического университета и текущем положении национального государства такое положение вещей настолько очевидно, что теряет последние признаки глубокого откровения. Однако интересен сам процесс производства будущих функционеров, сама техника и механика университетского (де)формирования учащихся персон с целью получения ученого персонала. И здесь грех обойти вниманием дерридеанскую артикуляцию еще одного жеста ницшевской критики - сведение университетского процесса обучения к телесной метафоре, которая может быть прочитана чуть ли не буквально.

Весь аудиторный процесс представляется сочленением

триады органов, оставленных без тел: говорящего рта преподавателя-лектора, слушающих ушей и пишущей руки студента-слушателя. Таков «внешний академический аппарат» и «культурный механизм» (Bildungsmaschine) университета Деррида его перерисовывает следующим образом: «Лицемерный пес говорит вам на ухо через свои школьные аппараты каковые являются акустическими или акроаматическими механизмами. Ваши уши увеличиваются, вы становитесь "длинноухими", когда, вместо того чтобы слушать, подчиняться с маленькими ушами наилучшему учителю и наилучшему из вожатых, вы считаете себя свободными и независимыми сообразно Государству, когда вы развешиваете перед ним полотнища своих больших ушей, не зная, что оно уже прошло досмотр противодействующих и вырождающихся сил. Полностью обратившись в слух для этого пса от фонографа, вы превращаетесь в hi-fi приемник, а ухо, ваше, которое одновременно и ухо другого, начинает занимать в вашем теле непропорциональное место "калеки навыворот" (umgeskehrten Kruppels)» [Деррида, 2012, с. 102]. Как бы там ни было, из этих корпускул или органов без тел образуется корпус университета, к пуповине которого прикреплены говорящий рот *читающего* профессора и слушающее ухо *пишущего* студента. Их носители - добавим от себя - и составляют ту самую университетскую корпорацию, члены которой так любят щеголять своими свободами. Впрочем, эти свободы Ницше / Деррида сводит к простым телесным проявлениям «того самого» фоноцентризма: один может «говорить почти то, что хочет», другой - слушать почти то, что хочет [Деррида, 2012, с. 106]. Это *почти* и предоставляет им государство, которое выступает «целью, концом и совокупностью (Zweck, Ziel und Inbegriff¹⁶) этих странных речевых и слуховых процедур».

При таком взгляде на образовательный процесс «университетский организм» за своей внешностью обнажает функцио-

¹⁶ Стоит обратить внимание на слово *Inbegriff*, буквально переводимое как воплощение или олицетворение.

нальные внутренности. Вместо гармоничного сочетания и учебной коммуникации членов в составе единого корпуса, имеется непропорциональное соединение отдельных гипертрофированных органов, отобранных ради учебных процедур. Под таким углом зрения университет как корпус дополнительных людей, обладающих дополнительными знаниями, видится, скорее, как система отторгнутых/выделенных/отчужденных органов, подвергаемых научению/упражнениям/муштре с последующей/сопутствующей специализацией. В таком случае знаменитое начало «Спора факультетов» И. Канта начинает прочитываться в совершенно ином ключе. Действительно, к намерению «...поступить со всей совокупностью науки (собственно, с посвятившими себя ей учеными мужами), *как на фабрике*, по принципу разделения труда...» [Кант, 1994, с. 58] нельзя относиться как к «злой выдумке» - но и без мрачной иронии последствия этого намерения нельзя воспринимать. Поскольку «совокупность науки» отождествляется с «учеными мужами», разделение труда затрагивает не только отделы знания, но и самих мужей. В первом приближении они подвергаются разделению на две группы органов - необходимых для обучения (вклад Аристотеля в решение этого вопроса сложно переоценить) и не способствующих обучению. Первые инкорпорируются в тело университета (или, скорее, образуют это тело своими нормативными совокуплениями); вторые обретаются в университетском поле сугубо виртуально, актуализируясь, по большей мере, за стенами *alma mater*. Таким образом, классический университет, который позиционирует себя как фабрика в смысле «духовного производства» и «производства знаний», мало чем отличается от обычной фабрики, где для нужд конвейерного производства задействуются технологически оптимально скомпонованные, повышающие необходимые навыки отдельные органы, по сути отобранные/отчужденные от живых тел.

Сходным образом в режиме обеих фабрик происходит и актуализация органов второй группы, не задействованных в процессе производства. В этом смысле рабочий, выходящий

из проходной навстречу питейным заведениям и борделям аналогичен классическому школяру-студенту, который за пределами университета почитает за честь вести себя намеренно «по-студенчески» - то есть хулиганить, дебоширить, терроризировать горожан, драться на дуэлях, напиваться в кабаках и охотиться за женщинами. Впрочем, попытки провести в этом направлении дальнейшие отождествления (например, студенческих кампусов и рабочих кварталов) хоть и освежит мысль М. Фуко касательно «пространств изоляции» в режиме «дисциплинарного общества», но уведет несколько в сторону от университетской специфики.

Последняя же состоит, в частности, и в том, что корпус дополнительных техник власти обеспечивает рост/распространение «тела университета» также и за пределами его учебных корпусов и аудиторий. И если обычный фабричный рабочий цензурируется и окультурируется извне, то университет, выступающий и фабрикой, и институтом осуществляет, как мы уже говорили, само-цензуру и само-окультурирование. Можно сказать, что органы самоуправления университета подразумевают и самоконтроль органов, задействованных учебным процессом, и контроль/цензуру незадействованных органов, актуализация которых в университетской сфере представляется нежелательной. Однако, проблема обнаруживается в том, что источником этой нежелательности выступает то самое государство, в котором нет любви, - то есть некая господствующая рабская мораль, отличная от корпоративной морали, исторически лежащей в основании ученых сообществ.

И в самом деле, имеющая греческий исток система образования проникла через средневековый университет в университет классический, основываясь на особых допущениях/практиках близости, которых придерживались носители аристократической морали дополнительных людей. Даже если оставить за скобками телесную составляющую греческой системы воспитания (пайдейи, сочетающейся с пайдерастией), смысл которой обозначен многозначным словом *συνουσία*, указы-

ракадим буквально на физическую близость¹⁷, когда (со)общение между учителем и учеником является настолько близким, что достигает своего предела в прикосновении, непосредственное/контактное общение обязательно сопровождает процесс *сообучения/со(по)знания* как средневекового, так и классического университета. Коммуникация внутри университетской корпорации была направлена на формирование некоего сообщества/сообщничества, обязательным образом скрепленного телесными ритуалами¹⁸. Кроме того, статус знающего/ученого/мэтра завоевывался в процессе живой непосредственной конкуренции, реальным воплощением которой была не заочная полемика, а диспут «во плоти». Одним словом, университет создавал *живую* среду, уже само *пребывание* в которой задавало сущностное измерение университетской жизни. Именно такое пребывание - замечает Дж. Г. Ньюмен в своих рекомендациях по построению католического университета для ирландцев в середине XIX века - позволяло осуществлять «расширение многообразия наук», производить элиту (джентльменов), транслировать культуру (точнее, «культуру интеллекта») и формировать то, что он называет философской привычкой. Подобное привыкание вырабатывается лишь в том пространстве, где «множество молодых людей изо дня в день собираются и общаются, увлеченные, открытые, со-чувствующие и наблюдательные» [Ньюмен, 2006, с. 132], учась друг у друга¹⁹. Главный принцип такой системы

¹⁷ См. об этом разбор диалога «Феаг» у В. В. Прокопенко [Прокопенко, 2012, с. 262-267].

¹⁸ Следует также обратить внимание на ритуальный характер многих практик, свойственных университетской корпорации. Обряды инициации новичка, сопровождавшиеся высмеиванием его звериного запаха, длинных ушей, звериного оскала и т. п., символически должны были перевести его из состояния «животности» в «человечность» [см.: ЛеГофф, 2003, с. 74].

¹⁹ Ньюмен с восхищением пишет об университетской среде: «Это - собрание ученых, ревностно увлеченных своей наукой, которые

образования-воспитания состоит в поддержании и обеспечении определенной живой коммуникации/традиции, которая в общем, то позволяет инкорпорировать ее питомцев в государственную систему. Но по мере усложнения администрирования и производственного/фабричного дифференцирования этой системы не оставалась нетронутой и университетская корпорация.

В итоге к середине XX века мы имеем довольно странную картину: тела европейских университетов оптимально располагаются так, чтобы быть эффективно задействованными для нужд дисциплинарной власти. При этом само университетское тело «изнутри» конституируется вследствие оптимального (со)расположения «органов обучения», задействованных для «внешних» нужд университета-фабрики. Кроме того, аппарат университета не только расчленяет своих членов, но и осуществляет жесткий контроль над порядком расчленения и соблюдением этого порядка. С оглядкой на подобное положение вещей нет ничего странного в том, что парижские события 68-го года начинаются с протеста против университетской дискриминации тел, а приводят к трагической «окончательной модернизации» университета.

соперничают, вынужденные по причине близкого общения и во имя интеллектуального мира приспособляться в требованиях и связях своих предметов исследования. Они учатся уважать, советоваться и оказывать друг другу помощь. Так возникает чистая и ясная атмосфера мышления, которой также дышат и студенты, хотя каждый из них в данный момент занят только немногими науками из множества их. Студент черпает из интеллектуальной традиции, независимой от конкретных преподавателей, ведущей его в выборе предметов, а также позволяющей правильно понять те, которые им выбираются. Он схватывает общие очертания знания, принципы, на которых оно строится, масштабы его частей, его света и тени, сильные моменты и незаметные, что невозможно понимать иными путями. Поэтому так оказывается, что его образование называется «либеральное». Приобретается способность души, которая остается на всю жизнь, чертами которой оказываются свобода, справедливость, спокойствие, умеренность и мудрость» [Ньюмен, 2006, с.97-98].

Акцентируя внимание на «телесном» аспекте студенческой революции, отсылающем к тендерным, классовым и этническим различиям, Б. Ридингс констатирует тот факт, что «1968 г. знаменует собой момент вхождения студенческого корпуса (body) в сферу Университета... Студенты начали с отказа от мифологического образа студента как бестелесной или виртуальной сущности, что на практике приняло форму отрицания устаревших дисциплинарных правил, регулирующих сексуальные практики, право декорировать комнаты и право иммигрантов из Магриба на получение образования» [Ридингс, 2010, с. 227]. В результате же этого бунта «незадействованные» непосредственно в учебном процессе, но подконтрольные университету органы сочленились с «руками и ушами» - тела учащихся были (реанимированы и (при)внесены в университет. Следуя заключению А. Магуна, можно сказать, что кризис и реформы 68-го года покончили со «старой фабрикой» университета (где работали отобранные органы отобранных людей), но вместе с тем самым вызвали к жизни режим «новой фабрики» - капиталистической, массовой [Магун]. Если прежде тело университета было обязано своим существованием традиционному соединению постоянных органов, то теперь университетский корпус стал пониматься как следствие экономически оправдываемой (эффективной) организации/расположения непостоянных тел.

В смысле своего устройства университет, который у истоков модерна служил своего рода просвещенным образцом для непросвещенного общества, на закате модерна включается в «индустрию знаний», становясь образчиком индустриального (а, впоследствии, и постиндустриального) общества, опирающегося на «массовость», «открытость» и «демократичность». Новые идеологические принципы вступили в противоречие с духом старого университета, пропитанным элитарностью, авторитарностью и замкнутостью. Исподволь университет лишился жизненно важного для него права - права пристрастного отбора; точнее, функции отбора были постепенно перехвачены другими инстанциями и институциями и переподчинены другой логике и целям. По заключению Н. Хомского

модернизированная версия университета как «фабрики знаний» стала аналогична уже не самоорганизующейся и самоуправляющейся (идеологически автономной) фабрике, но фабрике, управляемой извне. Здесь работает технологически оправданное «...нарушение контакта между преподавателем и студентом: огромные аудитории, временные преподаватели... Все это и есть дисциплинарная методика идеологической обработки и контроля...». Что же касается решения вопросов «...организации производства и или перераспределении функций на рабочем месте - это задача менеджмента» [Хомский, 2014]. Продолжением и расширением этой мысли должна стать схема, иллюстрирующая системную «переадресовку задач», осовременивающую «триипостасную» структуру классического университета и выстраивающего его на манер социальной сети. Корпус дополнительных людей образуется посредством рекрутинга/вступительных компаний и становится уделом менеджмента; корпус дополнительных знаний формируется в режиме информированности/компетентности и соразмеряется с глобальной сетью Интернета; корпус дополнительных техник власти определяется соображениями безопасности/совершенства с оглядкой на СМИ.

В этом направлении можно пойти дальше. Напряжение между руинами корпуса классического университета и новыми (по)строениями корпускулярного рынка в наше время приводит к тому, что «храм науки» все меньше походит даже на фабрику или завод - и все больше напоминает корпорацию нового типа, законное детище «обществ контроля». Упомянув «...формы постоянного контроля, непрерывное образование в школе, отказ от любых исследований в Университете, введение «корпорации» на всех уровнях обучения...», Ж. Делез неслучайно/намеренно закавычивает это понятие, имеющее сегодня совершенно иное содержание. Существенным признаком новой корпорации теперь служит то, что «завод представляет собой объединение индивидуумов в единое тело» в то время, как «корпорация постоянно подает личное соперничество как самую здоровую форму мотивации, как самый сильный импульс, который противопоставляет

одного индивида другому» [Делез, 2004, с. 228]. «Корпоративность», дополняющая априорную триаду «массовость - открытость - демократия», не подразумевает сопоставления, соединения или сообщничества. Опосредованное, обеспеченное техническими средствами дистанционное контактирование приходит на смену непосредственному, телесным образом подтверждаемому близкому контакту. Университет как живое тело, единый корпус, среда пребывания умирает - рождается испещренное брендами бесстрастное и бестелесное виртуальное пространство образовательных услуг для удаленных пользователей.

Но у этого процесса есть и еще одна составляющая, которую можно представить как движение от тел к текстам. В общем-то текст, (ретранслируемый книгами и бесконечными комментариями, накапливающими и приумножающими знание, - это тот медиум, который обеспечивает производство дополнительных людей. Институциональный корпус университета обеспечивает циркуляцию и приращение корпуса текстов, в котором постоянно аккумулируется знание, позволяющее корпорации администрировать и инкорпорировать тела соответствующим образом образованных индивидов в качестве граждан в тело государства. И главное, эти образованные индивиды в свою очередь должны обеспечивать успешную работу государственной машины, администрируя (вспомним пресловутые «высшие» факультеты) здоровое функционирование тел, спокойное расположение душ и безопасное владение собственностью.

Исторически университет предстает исключительным местом включения и сепарации тел, которые на выходе (вместе с дипломом) получают дополнительные/прибавочные гражданские права (например, предписывать ежедневный режим или лечить, утешать или порицать, судить или оправдывать). История университета - это процесс включения тел в определенной прогрессии и в университет, и в государство: невзирая на национальность/расу, вероисповедание, сословие/класс, затем и пол/гендер. Единственным условием для такого включения остается разум, тот самый разум, становление которого в клас-

сическую эпоху продемонстрировал М. Фуко. В строгом смысле, университетский корпус - это объединение тел/текстов под эгидой разума. И если продолжать придерживаться ницшевской аллюзии, то говорящий рот передает содержание этого универсального разума через слушающее ухо от одного его субъекта к другому, распространяя по всем частям государства. Однако, не будем забывать, что едва ли не главным носителем-медиумом этого разума традиционно выступают книги, составляющие корпус текстов, которые надлежит (вос)производить питомцам университета.

В каком-то смысле история университетской корпорации была ничем иным как созиданием этого корпуса текстов, инкорпорирующих разумное начало в государство. И нет ничего удивительного в том, что однажды этот процесс дошел до той точки, где все, что опосредовало созидание этого корпуса - голос, взгляд, прикосновение, т. е. вся гаптическая, тактильная оснастка коммуникативного вызова - было бы поставлено под вопрос. Разве подверженные коррупции (во всех смыслах этого слова) тела не должны были бы быть однажды изгнаны из корпуса университета, чтобы создать чистую коммуникацию текстов? (Ведь, как известно, сохранить рай можно лишь изгнанием тронутых порчей тел). Сплести сеть интертекста? А вместе с тем - подорвать классический корпус классического же университета, породив/спровоцировав новые формы администрирования, но уже не тел, а текстов?

Администрирование тел вполне осуществимо средствами дисциплины - через их расчленения, вычленения и сочленения. Следствием таких операций становится сведение тел к профессионально дисциплинированным частичным органам (например, руке трудящегося или глазу полицейского и т.п.); одни органы включаются в некий социальный топос и подключаются к одной из *Bildungsmaschine*, другие, напротив, исключаются²⁰. Но

²⁰ Исключение - фундаментальная процедура, лежащая в основании диалектики просвещения, метафорой которой у Т. Адорно и М. Хоркхаймера выступает знаменитый эпизод с сиренами из «Одиссеи». Для

тексты не поддаются дисциплине. Единственный способ ими управлять - контролировать их, контролировать местоположение (контексты) и перемещение знаков, а также их численность и динамику.

С одной стороны, современное смещение от тел к текстам открывает простор для иных автономий, других языковых игр, давая возможность продуцировать новые смыслы и расширять пространство свободы, как это явлено в постструктуралистских экспериментах, например, деконструктивизма или шизоанализа. Однако, вместе с тем, релятивизация истины приводит к «экстраграмматической свободе и равенству всех слов, и к их праву (слишком) свободно мигрировать в любом направлении - из одного локального облака слов в другое», что, согласно Б. Гройсу, и олицетворяет Google [Гройс, 2012, с. 375-376]. Google, как отмечает Гройс, «переворачивает деконструкцию с головы на ноги, поскольку заменяет потенциальное, но сугубо воображаемое множество контекстов конечной системой поиска», которая «отыскивает не бесконечные возможности смысла, а фактически доступный набор контекстов, которые и образуют значение того или иного слова». В итоге слова «становятся идентичными по своему значению, превращаясь в одно плавающее означающее с нулевым значением», однако Google ограничивает поиск «реально существующими и уже имеющимися в наличии контекстами» [Гройс, 2012, с. 377]. Познавательные операции, которые воспроизводит глухой пользователь Интернета, исключают и фигуру говорящего (рта), и фигуру пишущего (руки). Они могут быть сведены лишь к выбору «на глаз» подходящих для того или иного контекста знаков/слов или, в лучшем случае, к «оценке степени важности слов и контекстов», впрочем, уже заранее отобранных и визуализированных по неким критериям приоритетности.

Такая ситуация/среда дает о себе знать, проступая в ны-

того, чтобы руки исправно работали, необходимо исключить/заткнуть уши. Для того, чтобы уши открылись эстетическому наслаждению, необходимо сковать все тело.

нешней технике научно-образовательного процесса, который, по большей мере, сводится к двум простым операциям: *копированию* и *вставлению* слов из одних контекстов в другие. Первое производится без убыли источника, второе - без прибыли смысла; при этом уместность/правильность/«истинность» используемого проверяется по сугубо формальным признакам, характеризующим тот или иной контекст. В итоге осуществляется двойной контроль, определяющий отбор: во-первых, поисковая система (условного Google) осуществляет контроль, не допуская неучтенные слова/контексты, и, во-вторых, любые управляющие органы контролируют, чтобы слова употреблялись корректно в соответствующем контексте и не воспроизводились в уже имеющемся порядке (антиплагиат).

В подобном ключе окончательно проясняется смысл таких «новомодных» процедур, как (за/под)мена устных (контактных, требующих близости) экзаменов письменным/тестовым контролем, в ходе которого учреждаются все более и более разветвленная/дифференцированная система оценивания (например, количественная «стобальная» градация вместо традиционной качественной «отлично»/«хорошо»/«удовлетворительно») и разного рода рейтинги, которые различают/контролируют/противопоставляют индивидов, редуцированных до функций/элементов/номинаций тех или иных (кон)текстов. Сегодняшний «субъект науки и образования» расчленяется уже не телесно, но согласно нумерации, а потому старые формы освобождения, солидарности и сопротивления становятся невозможными в условиях той нездоровой/«корпоративной» конкуренции, к которой принуждаются зарегистрированные пользователи, ставшие функцией (интер)текстов.

Новации и перемены, происходящие на «руинах университета», теперь столь стремительны, что предугадывать их - еще более неблагодарное занятие, чем наблюдать. Относительно недавно казалось достаточным использовать хорошо натренированный/дисциплинированный орган *не* по назначению (например, взяв в руки булыжник, скандируя дерзости тысячью глоток, сжав руку в кулак или заткнув пальцами уши), чтобы

(со)сочленились в общность, гордо именуемую «университетом». Но посягнут ли в будущем на подобное само-именование скрытые за подложными IP-адресами учащие/учащиеся хакеры, использующие режим удаленного доступа для того, чтобы перехватить права администрирования учебно-образовательных серверов и тем самым заявить о себе, как о новом университетском corpus virtuale?

ЛИТЕРАТУРА

Гегель Г. В. Ф. *Философия права* / Г. В. Ф. Гегель; [пер. с нем.; ред.; сост. Д. А. Керимов; В. С. Нерсисянц]. - М.: Мысль, 1990. - 524 с.

Гройс Б. Google: слова по ту сторону грамматики / Гройс Б. // *Политика поэтики*: [сб. ст.] / Борис Гройс. - М., 2012. - С. 374-382.

Гумбольдт К. В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине [Электронный ресурс] / К. В. фон Гумбольдт; [пер. с нем. С. Шамхаловой] // *Неприкосновенный запас*. - 2002. - № 2 (22). - Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/gumb.html> (дата обращения 25.10.16). - Загл. с экрана.

Делез Ж. *Переговоры. 1972-1990* / Ж. Делез; [пер. с франц. В. Ю. Быстрова]. - СПб.: Наука, 2004. - 235 с.

Деррида Ж. Университет глазами его питомцев [Электронный ресурс] / Ж. Деррида; [пер. с франц. С. Фокина] // *Отечественные записки*. - 2003. - № 6. - Режим доступа: <http://www.strana-oz.ni/2003/6/universitet-glazami-ego-pitomcev> (дата обращения 25.10.16). - Загл. с экрана.

Деррида Ж. *Ухобиографии: Учение Ницше и политика имени собственного* / Ж. Деррида; [пер. с франц. и комментарии В. Е. Лапицкого]. - 2-е изд. - СПб.: Machina, 2012. - 116 с.

Кант И. *Спор факультетов* / И. Кант; [пер. с нем.; ред. А. В. Гулыги] // *Сочинения*: в 8 т. / И. Кант - М.: Чоро, 1994. - Т. 7. - С. 57-136.

Ле Гофф Ж. *Интеллектуалы в Средние века* / Ж. Ле Гофф; [пер. с франц. А. Руткевич]. - СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2003. - 160 с.

Магун А. Не университеты должны стать корпорациями, а корпорации - частично превратиться в университеты [Электронный ресурс] / А. Магун // Режим доступа: <http://cluster.archipelag.ru/cont/006.html> (дата обращения 25.10.16). - Заш. с экрана.

Ньюмен Дж. Г. *Идея Университета* / Дж. Г. Ньюмен; [пер. с англ. С. Б. Бенедиктова]. - Минск: Изд-во БГУ, 2006. - 208 с.

Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / Х. Ортега-и-Гассет; [пер, с исп. М. Голубевой, А. Корбута]. - М.: ГУ-ВШЭ, 2010. - 144 с.

Прокопенко В. В. Философская пайдеия и Платоновский вопрос
Прокопенко В. В. - Харьков : Монограф СПДФЛ Чальцев АВ, 2012, 322 с.

Ридингс Б. Университет в руинах / Б. Ридингс; [пер. с англ, А. М. Корбута]. - М.: Изд. дом Гос. ун-та - Высшей школы экономики. 2010.-304 с.

Уваров П. Ю. У истоков университетской корпорации [Электронный ресурс] / П. Ю. Уваров. - Режим доступа: <http://polit.ra/article/2010/02/04/university/> (дата обращения 25.10.16).- Загл. с экрана.

Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитан, в Коллежде Франс в 1975-1976 уч. г. / Фуко М. - СПб.: Наука, 2005. - 312 с

Хомский Н. О найме преподавателей на испытательный срок [Электронный ресурс] / Н. Хомский; пер. с англ. Д. Колесника // Рабкор. Интернет-журнал. - 2014. - Режим доступа: http://rabkor.ru/columns/analysis/2014/04/04/chomsky_education/ (дата обращения 25.10.16)- Загл. с экрана.

Ясперс К. Идея университета / К. Ясперс ; [пер. с нем. Т. В. Тягуновой]. - Минск: Изд-во БГУ, 2006. - 159 с.

Post G. Studies in medieval legal thought: public law and the state 1100-1322. -New Jersey: The Lawbook Exchange, ltd. Clark, 2006 (1964). - 650 p.